

*В память о Джеймсе
и Милдред Малки*

ПРОЛОГ

В самый разгар унылого полудня среды, в один из последних душных майских дней, горстка скорбящих собралась в церкви Святого Иуды Фаддея в Мобиле, штат Алабама. Кондиционер в небольшом святилище не всегда перекрывал шум перекрестка, и резкие автомобильные гудки вплетались в музыку органа, словно искаженные ноты. Место это было тусклым, влажно прохладным и пахло цветами из холодильника. Позади алтаря сходящимися линиями расположились две дюжины громадных дорогущих букетов. Огромное одеяло серебряных роз, ниспадая, раскинулось поперек голубого гроба, лепестки рассыпались по белой сатиновой обивке. В гробу лежало тело женщины чуть за пятьдесят. Черты ее лица были неподвижными и несколько квадратными, от уголков рта к челюсти шли глубокие борозды. Смерть настигла Мэриэн Сэвидж не в самый счастливый период жизни.

На скамье слева от гроба сидел Дофин Сэвидж, сын усопшей. На нем был темно-синий костюм, плотно облегавший его по прошлогодней мерке, на руке черная шелковая лента, похожая скорее на жгут. Справа от него в черном платье и черной вуали стояла его жена Ли. Ли приподняла подбородок,

чтобы видеть профиль мертвой свекрови в голубом гробу. Дофин и Ли унаследуют почти все.

Большая Барбара МакКрэй, мать Ли и лучшая подруга усопшей, сидела на скамье прямо позади и громко плакала. Ее черное шелковое платье поскуливало вместе с хозяйкой, скрючившейся от горя на полированной дубовой скамье. Подле нее с раздражением закатывал глаза от нелепого поведения матери Люкер МакКрэй. Люкер считал, что для покойницы сложно было бы сыскать лучшее место, кроме как в этом гробу. Рядом с Люкером сидела его тринадцатилетняя дочь Индия, которая не знала Мэриэн при жизни. Девочка занимала себя разглядыванием церковных занавесок, чтобы потом воспроизвести орнаменты в вышивке.

По другую сторону центрального прохода сидела единственная дочь усопшей, монахиня. Сестра Мэри-Скот не плакала, но время от времени слышалось слабое постукивание ее четок о деревянную скамью. На несколько скамеек позади монахини сидела Одесса Ред, худая, мрачная чернокожая женщина, которая работала на умершую три десятка лет. На Одессе была крошечная синяя вельветовая шляпка с пером, выкрашенным индийскими чернилами.

Перед началом похоронной церемонии Большая Барбара МакКрэй толкнула дочь и спросила, почему не было печатного приглашения на службу. Ли пожала плечами.

— Дофин сказал, что так лучше. Меньше суеты для всех, поэтому я никому не говорила.

— И никого не пригласила! — воскликнула Большая Барбара.

— Дофин даже заставил носильщиков ждать снаружи, — добавила Ли.

— Может, ты знаешь *почему*? — потребовала ответа мать.

— Нет, — ответила Ли, не ведающая, но и не заинтересованная. — Почему бы тебе не спросить Дофина, мама? Он сидит рядом с тобой и слышит каждое твое слово.

— Дорогая, я думала, ты знаешь. Я не хочу беспокоить Дофина, ему и так несладко.

— Заткнись, Барбара, — сказал ее сын Люкер. — Ты прекрасно знаешь, почему это закрытые похороны.

— Почему?

— Потому что мы единственные во всем Мобиле, кто пришел бы. Нет смысла рекламировать цирк, если все ненавидят клоуна.

— Но Мэриэн Сэвидж была моей лучшей подругой, — запротестовала Большая Барбара.

Дофин Сэвидж, не слишком внимательно следивший за перебранкой, обернулся и без злости сказал:

— Тише, вы, пожалуйста, священник уже здесь.

Они встали на колени, получили краткое благословение священника, поднялись и спели гимн «Пребудь со мной».

Между второй и третьей строфами Большая Барбара МакКрэй громко вставила: «Это была ее любимая!» Она взглянула на Одессу через проход,

и короткий кивок крашеного пера подтвердил ее слова.

Пока другие пели «Аминь», Большая Барбара МакКрэй сказала: «Я уже по ней скучаю!»

Священник прочитал службу по усопшей быстро, но не без симпатии. Дофин Сэвидж поднялся, подошел к краю скамьи, как будто был недостоин занять место поближе к гробу, и произнес краткую речь о своей матери.

— Все, кому посчастливилось по-настоящему узнать маму, были от нее без ума. Я мог бы сказать, что она была счастлива, но увы, это далеко от правды. Ее счастливая жизнь закончилась после того, как умер папа. Она вырастила Мэри-Скот, и Дарнли, и меня, подарив всю любовь мира, даже не смотря на то, что часто приговаривала, что должна была умереть в день, когда папу похоронили. А потом и Дарнли тоже умер. Все знают, как тяжело ей было в последние годы — ведь химиотерапия имеет множество побочных эффектов, и даже тогда нельзя быть уверенным, что она сработает. Конечно, нам всем очень жаль, что мама умерла, но мы не можем сожалеть о том, что ее боль утихла.

Он вздохнул и посмотрел на Мэриэн Сэвидж в гробу. Отвернувшись, продолжил более грустным и мягким тоном.

— Сейчас она в том самом платье, в котором была на нашей с Ли свадьбе. Она говорила, что это самое красивое платье из всех, что у нее были. После приема она сняла его, повесила на вешалку и сказала, что хранила именно для *этого* момента. Она

была бы счастлива увидеть, сколько цветов здесь сегодня, увидеть, насколько она была небезразлична людям. С самого момента ее смерти люди звонили и спрашивали, нужно ли им принести цветы или отправить пожертвование на исследование рака, а Ли и я — кто бы ни взял трубку — говорили: «Ох, пришлите цветы, маму никогда не интересовала благотворительность, но она так надеялась на то, что, когда умрет, в церкви для нее будет множество цветов. Она хотела, чтобы их аромат доходил до небес!»

Большая Барбара МакКрэй энергично закивала и громко прошептала: «Прямо как Мэриэн... прямо как она!»

Дофин продолжал:

— До визита в похоронное бюро я был очень расстроен смертью мамы. Но вчера я вошел туда, увидел ее, и теперь я в порядке. Она выглядит такой счастливой! Такой естественной! Я смотрю на нее и думаю, что она ушла, сидит теперь на небесах и переживает за меня! — Дофин повернулся к гробу и нежно улыбнулся мертвой матери.

Большая Барбара МакКрэй обняла дочь за плечо.

— Ты приложила руку к написанию поминальной речи, Ли?

— Заткнись, Барбара! — сказал Люкер.

— Мэри-Скот, — Дофин обратился к монахине, — хочешь что-нибудь сказать о маме?

Сестра Мэри-Скот покачала головой.

— Бедняжка! — прошептала Большая Барбара. — Могу поклясться, что она просто раздавлена горем.

Повисла тревожная пауза. Священник уставился на Дофина, который все еще стоял у края скамьи. Дофин смотрел на сестру, которая возилась с четками. Органист разглядывал их со своего балкона, будто ожидая сигнала.

— *Вот* поэтому и нужна распечатанная программка! — прошептала Большая Барбара сыну, посмотрев на него осуждающе. — Когда распечатанной программы нет, никто просто не имеет понятия, что делать дальше. Я могла бы вставить ее в свой памятный альбом.

Сестра Мэри-Скот внезапно поднялась со скамьи.

— Она все-таки собралась говорить? — спросила Большая Барбара с ноткой надежды в голосе, которую все услышали.

Сестра Мэри-Скот не заговорила, но ее подъем определенно был сигналом. Органист, пару раз неуклюже задев ногой по педалям органа, вылез из своего чердака и скрылся за маленькой боковой дверью.

Кивнув Дофину и сестре Мэри-Скот в заговорщическом молчании, священник резко повернулся на каблуках. Его шаги эхом вторили органисту, удаляющемуся из святилища.

Эти двое служащих как будто внезапно решили по исключительной и непреодолимой причине покинуть церемонию до ее завершения. А похороны, конечно же, еще не закончились: не было ни второго гимна, ни благословений, ни постлюдии. Но-

сильщики все еще ждали снаружи храма. Скорбящие остались наедине с телом усопшей.

В крайнем удивлении от такого необъяснимого происшествия Большая Барбара обернулась и громко сказала Одессе, которая сидела в десятке метров от нее:

— Одесса, что они себе позволяют? Куда ушел отец Нэлти? Почему этот мальчик перестал играть на органе — когда ему *платят* за похороны, он всегда играет, я знаю!

— Миз Барбара... — умоляюще проговорила Одесса.

— Барбара, — тихо сказал Люкер, — отвернись и просто замолчи.

Она начала протестовать, но Дофин с горечью одернул ее:

— Большая Барбара, прошу...

Большая Барбара, любившая своего зятя, застыла на скамье, хоть это и стоило ей усилий.

— Пожалуйста, давайте все вместе помолимся за маму пару минут, — сказал Дофин. Остальные послушно склонили головы.

Краем глаза Индия МакКрэй заметила, как сестра Мэри-Скот достала из-под своего скапулярия¹ узкий черный ящик. Она крепко держала его в руках перед собой.

Индия слегка шелкнула длинным накрашенным ногтем тыльную сторону ладони отца. «Что там у нее?» — спросила его шепотом.

---

¹ Скапулярий — часть монашеской одежды, длинная широкая лента, надеваемая на плечи.